

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ЛУКЬЯНОВ

*доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории
России Пермского государственного национального исследовательского
университета (г. Пермь)
E-mail: mloukianov@gmail.com*

В статье анализируются консервативные проекты реформы законодательных учреждений и избирательной системы в России. Автор доказывает, что в 1907–1914 гг. идеи пересмотра Основных государственных законов 1906 г. были широко распространены в среде российских консерваторов. Представительные учреждения рассматривались российскими консерваторами преимущественно в качестве полезного дополнения к системе самодержавной власти, которая являлась для них основой государственности.

Ключевые слова: Российский консерватизм, проекты реформы законодательных учреждений и избирательной системы, В.А. Грингмут, П.Е. Казанский, М.О. Меньшиков, В.П. Мецкерский, К.Н. Пасхалов, Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шарапов.

**Консервативные проекты реформы законодательных учреждений и
избирательной системы в России, 1907–1914**

Приверженность самодержавию выступала как ключевой принцип русской консервативной традиции XIX – начала XX в. Поэтому ограничение императорской власти, ставшее продуктом политических преобразований эпохи революции 1905–1907 гг., поставило сторонников самодержавной монархии в чрезвычайно сложное положение. С одной стороны, требовались большие усилия, чтобы вписать новую конструкцию власти в рамки традиции, с другой – монархист не мог отвергнуть, во всяком случае публично, возмущенное с высоты престола. Адаптация к новой политической системе должна была стать главным содержанием эволюции российского консерватизма в постреволюционное время.

Оценивая политический порядок в стране, консерваторы исходили из того, что, несмотря на все реформы, во главе страны по-прежнему стоял царь-самодержец. Самодержавие выступало как важнейший элемент национальной политической традиции, без которого российскую государственность было невозможно себе представить¹.

Мнения о сохранении самодержавия в России придерживались сторонники разных версий российского консерватизма. Консерваторы уверяли, что никакие законодательные новации не предусматривали ограничения императорской власти: просто изменился порядок ее действия. «...И при новом строе... существо Верховной Самодержавной власти не было изменено...», – заявлял Н.Е. Марков². Ему вторил член русской национальной фракции Л.В. Половцов: «Самодержавная Власть, никогда, ни в каком акте не отказываясь от самодержавных прав, установила нормальный порядок, при котором все законы должны обсуждаться предварительно в Государственной Думе и Государственном Совете и затем представляться на Высочайшее усмотрение»³.

Разделение власти на законодательную, исполнительную, судебную интерпретировалось как распределение функций единой царской власти. М.О. Меншиков писал по этому поводу: «...Верховная Власть должна почитаться не третьим только членом республиканской троицы, не «исполнительной» лишь дробью, а основной единицей, от которой должны идти непрерывные ступени власти»⁴.

Таким образом, источником верховной власти неизменно выступал царь, и различие моделей государства, предлагавшихся консерваторами, выражалось преимущественно в разной трактовке вопроса о представительстве. Наиболее радикальное его решение предложил лидер Русской монархической партии В.А. Грингмут. Среди консервативных теоретиков и публицистов он был самым последовательным противником парламентаризма. В его концепции монархии для представительных институтов просто не осталось места⁵.

Царь выступал как верховный правитель, законодатель и верховный судья. Одновременно он являлся единственным представителем народа. «Других народных “представителей” кроме Государя Императора в России быть не может, ибо никто кроме Него не может сочетать в себе всю совокупность *всех* государственных, сословных и классовых интересов Русского народа во всей преемственной связи настоящего, прошедшего и будущего России»⁶.

Отвергая принцип представительного правления, Грингмут указывал на некомпетентность основной массы населения в государственных делах⁷. К тому же выборы народных представителей способствовали бы разжиганию политической розни и нанесли бы колоссальный ущерб государству⁸. Да и эффективный контроль над бюрократией был возможен исключительно сверху. Бюрократическая язва могла поразить и республику, и монархию, но у монарха было гораздо больше возможностей ей противостоять⁹.

В дополнение к теоретическим выкладкам автор предложил конкретную практическую программу усовершенствования государственного строя. Ее стержнем являлось усиление реальной власти монарха. Царя следовало «разгрузить» от мелких, сугубо локальных вопросов, передав их в ведение назначавшихся сверху администраторов территорий. Все получали право жаловаться на любого чиновника. Результатом разбора жалобы с неизбежностью должно было стать суровое наказание либо виновного должностного лица, либо недобросовестного жалобщика. Большая роль в схеме Грингмута отводилась консультативным учреждениям разного уровня. Помощь царю в законодательной деятельности призваны были оказать члены законосовещательного Государственного совета. Министрам предстояло создать при своих ведомствах комитеты по выработке законопроектов, а администраторам территорий — особые советы из числа самых авторитетных граждан¹⁰.

Лидер Русской монархической партии, редактор «Московских ведомостей» умер в конце сентября 1907 г., еще до начала работы III Думы. Однако в суждениях многих консерваторов можно обнаружить немало общего с его бескомпромиссной позицией. Так, В.П. Мецкерский, ссылаясь на моральную деградацию российской верхушки, отверг тезис о том, что Россия должна стремиться к созданию политических институтов западного типа. Ее путь был диаметрально противоположен

западноевропейскому и требовал. «...полной силы и полной свободы Верховной власти...»¹¹. Компромисс казался Мещерскому симптомом «морального растрепания», а политическая умеренность ассоциировалась с моральной нечистоплотностью¹². Так важнейшие парламентские добродетели превращались в нравственные пороки.

Мещерский утверждал, что Россия не нуждается ни в каких партиях: они лишь отдаляют народ от трона. Дореформенная система, когда политика вершилась в тиши кабинетов, а обществу оставалось лишь соглашаться с принятыми решениями, казалась ему предпочтительней. Мещерскому претили любые формы общественной самодеятельности, даже на местном уровне. Он считал, что для успешного разрешения локальных проблем требуется усиление административного начала. Наиболее эффективным инструментом управления на местах признавался давно ставший объектом резкой критики институт земских начальников¹³.

Но при всей не любви к представительству Мещерский, в отличие от Грингмута, допускал возможность существования в России представительных институтов¹⁴. Его логика была такова: раз уж Думу не решаются ликвидировать, ее надо реформировать.

Одно из конкретных предложений Мещерского состояло в том, что полномочия Думы стоило ограничить правом высказываться по поводу законопроектов и делать запросы министрам. Государственный совет должен был обрести дореформенный статус. Он не должен был координировать свою законотворческую деятельность с мнением Думы. В случае разногласий между Думой и Советом или внутри последнего императору представлялось бы мнение Думы, а также большинства и меньшинства Совета¹⁵. За царем оставалось «...право утверждать мнение меньшинства в представительных учреждениях, если он признает оное более соответствующим нуждам своего народа»¹⁶.

В основе подхода к представительству К.Н. Пасхалова лежала та же посылка, что и у Грингмута: народное представительство как выражение конституционного начала несовместимо с началом самодержавным¹⁷. Однако практические предложения К.Н. Пасхалова были гораздо умереннее, чем у Грингмута. Пасхалов полагал, что привлечение населения к законотворчеству может помочь контролировать бюрократию. Поэтому прочно утвердив власть самодержца, стоило установить принцип, что ни один закон не может поступить на рассмотрение к царю, минуя законосовещательное учреждение. Вопрос о том, будет ли в таком качестве выступать Государственная дума или Государственный совет оставался открытым. В любом случае, чтобы обеспечить связь с населением, в состав такого органа должны были войти лица, избранные уездными земскими собраниями.

Планировались существенные изменения в организации работы по подготовке законов: в законосовещательном органе ликвидировались фракции, председатель должен был назначаться, а не избираться, наказ для него составлял Сенат, и, самое главное, на рассмотрение царю должны были представляться все мнения, высказанные при обсуждении законопроектов. В результате государь, получая информацию обо всем многообразии мнений по данному вопросу, сохранял бы полную свободу воли¹⁸.

Из массовых консервативных политических организаций наиболее настороженно относился к представительным учреждениям Всероссийский Дубровинский союз русского народа, созданный в 1911 г. радикальными элементами Союза русского народа. Его сторонники доказывали, что жизненные интересы России требуют сохранения самодержавия, а без представительных институтов она всегда сможет просуществовать. «...Без Неограниченного Самодержавного Царя Россия погибнет безвозвратно... жила Россия без Г. думы много сотен лет и еще столько же проживет с Божьей помощью, без Г. думы», — утверждал один из ведущих публицистов ВДСРН Н.И. Еремченко¹⁹.

Судя по всему и Мещерский, и Пасхалов, и Еремченко считали идеальной ситуацией, когда представительные учреждения вообще отсутствовали бы. Но политическая реальность заставляла признавать их необходимость. В этих обстоятельствах данная группа консерваторов подчеркивала отрицательные стороны в деятельности представительных учреждений и ограничивала свои практические задачи поиском наилучших способов свести зло к минимуму.

Иначе смотрели на эти проблемы консерваторы-славянофилы. Они подчеркивали большое значение законосовещательных институтов для обеспечения связи между монархом и народом. В качестве идеального образца такого учреждения назывался Земский собор. «Полное осуществление единения Царя с народом должно выразиться в историческом учреждении — Земском соборе», — утверждал председатель Союза русских людей А.Г. Щербатов²⁰.

А.А. Киреев подвергал резкой критике позицию В.А. Грингмута и его единомышленников: «Теперь без Думы управлять уже нельзя. Не будет этой Думы, будет 4, 5, 6-ая!..»²¹. Другое дело, что, по мысли Киреева, Дума должна была быть не законодательной, а законосовещательной. Только такой порядок, казалось ему, адекватен русской исторической традиции, «исконному самодержавно-совещательному строю»²². В какой же степени новый порядок соответствовал эталону, А.А. Кирееву было не вполне ясно, но прямо отвергать его он не решался. Киреев спокойно относился к компромиссам и, сознавая необходимость выбирать меньшее из зол, рекомендовал правым сотрудничать с октябристами²³.

Другие славянофилы были менее склонны к уступкам. По мнению Д.А. Хомякова, действовавшее законодательство о власти в корне противоречило славянофильской догме. Народ не должен был привлекаться к постоянной политической деятельности. Участие в ней являлось не правом, а обязанностью, причем советоваться с народом подобало лишь по наиболее важным делам²⁴. В лучшем случае Дума смогла бы «открыть путь для чего-нибудь иного, более соответствующего нашим потребностям и складу русского ума»²⁵.

Наиболее непримиримым из славянофильских теоретиков был С.Ф. Шарапов, который отвергал и «обновленный строй», и дореволюционный порядок. Видя в царе полновластного самодержца, Шарапов подчеркивал не столько юридическую неограниченность власти, сколько внутренние, нравственные ограничители самодержавия. В их существовании и состояло принципиальное отличие русского самодержавия от восточного деспотизма и западного абсолютизма²⁶. Шарапов

считал альтернативой бюрократии не парламентаризм, а децентрализацию управления и предлагал сочетать самодержавие с широким самоуправлением. Краеугольным камнем этой системы должен был стать православный приход, который получил бы функции низшей территориальной единицы. Следующими самоуправляющимися единицами являлись бы уезд и область (объединяющая несколько губерний). Вершину этой системы должно было образовать «самоуправление Всея Руси в лице нашего старого Земского Собора». Задача Собора состояла в том, чтобы объединить «лучшие рабочие силы областей» и выступить в качестве советчика (а не ограничителя) самодержавия²⁷.

Славянофильский образ царя-самодержца был близок и многим представителям думских правых. И.И. Балаклеев подчеркивал патриархальный характер самодержавной власти, близость идеи самодержавия к нормам повседневной народной жизни: «Народ представляет себе Государя отцом большого семейства русского народа, отцом России. Он рисует себе Его именно в образе отца и представляет себе как главу, который не подлежит контролю, так сказать, и давлению со стороны детей: дети беспрекословно повинуются его воле»²⁸.

Как и для славянофилов, для правых идеальным способом установить прочную связь между царем и народом являлся созыв Земского собора. «Всем нам светлое будущее России рисуется в виде тройственного единства, во главе которого стоит Царь Самодержавный и неограниченный, под ним — Земский собор и преданное монархическо-русской идее правительство, а внизу — свободный самодеятельный и самоуправляющийся народ», — писал в 1910 г. Н.Д. Облеухов²⁹.

Представители думских правых утверждали, что вошли в Думу, дабы открыто защищать монархические идеалы, а не торговаться с врагами³⁰. Особенно доставалось от них кадетам, которых они объявляли единомышленниками террористов. Для Н.Д. Облеухова вся разница между кадетами и социалистами сводилась к тому, что «интеллигенты, орудующие среди рабочих, называют себя социал-демократами или социал-революционерами (псевдоним вооруженного браунингом или бомбой кадета)»³¹.

Объектом суровых обвинений оказывались и более умеренные политические силы — не только октябристы, но и националисты, а в IV Думе — еще и Центр. Впрочем, даже порицая умеренных консерваторов, правые публицисты признавали свою идейную близость к ним, объясняя политические расхождения разницей в политическом темпераменте³². К тому же правые не исключали возможности правоцентристских комбинаций с участием октябристов, создания «делового правого большинства». Такая стратегия дала бы возможность окончательно расколоть октябристов и привлечь на сторону консерваторов их правый фланг. По мысли Вязигина, между правыми, националистами, умеренно-правыми и правыми октябристами было гораздо меньше различий, чем между октябристским центром и левыми октябристами³³. Поэтому борьба *против* думского центра могла обернуться и борьбой за него.

Приведенные рассуждения свидетельствуют о том, что правые сумели овладеть парламентскими технологиями. Благодаря «обновленному строю» консерваторы

получили возможность создавать политические организации и через представительные учреждения корректировать правительственный курс. Даже откровенно хамские выходки В.М. Пуришкевича и Е.Н. Маркова, нарушавшие нормальный ход работы в Думе, свидетельствовали скорее о специфическом варианте использования представительного учреждения, чем об отказе от него.

Однако, если вскоре после революции думские правые подчеркивали необходимость работать в существующих институтах, то накануне Первой мировой войны усилилось влияние сторонников реформирования представительных учреждений. Наряду с идеей изменить законодательство о выборах³⁴ большую популярность приобрела мысль о необходимости сузить полномочия Думы.

Весной 1913 г. в печать просочились сведения о совещании правых членов Государственной думы, Государственного совета и представителей Объединенного дворянства. Судя по опубликованной в прессе повестке дня заседания фракции правых от 3 марта 1913 г., речь на нем шла «1) о необходимости распустить IV Государственную Думу; 2) о необходимости изменить Положение о выборах в Государственную думу; 3) о необходимости корректива в способе решения вопросов в Государственной думе по большинству голосов»³⁵. Аналогичные настроения демонстрировали и некоторые представители высшей бюрократии³⁶.

Взгляды, близкие к тем, которые выражали политики-практики, пытались обосновать на более высоком теоретическом уровне Л.А. Тихомиров и П.Е. Казанский. Они исходили из того, что законодательная власть всегда должна оставаться в руках царя-самодержца. В этой ситуации представительные институты должны были выступать не в качестве инструментов выражения народной воли, но органов, обеспечивающих «присутствие» народа при императорской власти³⁷.

Поскольку Основные законы 1906 г. давали возможность различных трактовок принципов организации властного механизма, Тихомиров и Казанский считали, что внести изменения в законодательство сравнительно несложно. По мнению П.Е. Казанского, для этого достаточно было бы снять ограничения, которые налагала статья 87³⁸.

К более основательному пересмотру Основных законов призывал Л.А. Тихомиров. Наиболее радикальный вариант такого пересмотра он изложил в московском Русском монархическом собрании в октябре 1907 г. Он предлагал закрепить за Государственным советом, переименованным в Законодательный совет, приоритет в законотворческой деятельности. После рассмотрения законопроектов в Совете они поступали бы к императору³⁹. В таком случае Государственная дума, переименованная в Народную думу, стала бы, прежде всего, средством связи между монархом и населением. Она сохранила бы право законодательной инициативы и запросов к администрации, однако порядок ее формирования и работы надлежало основательно изменить. Депутаты должны были избираться от отдельных групп населения, а вместо длительных ежегодных сессий предлагалось проводить всего одну — раз в три года продолжительностью в три-четыре месяца⁴⁰. В чрезвычайных случаях мог созываться Земский собор, в состав которого вошли бы Законодательный совет, Народная дума, министры, носители высшей церковной власти,

представители сословий и частные лица с особыми заслугами⁴¹.

С течением времени предложения Л.А. Тихомирова стали гораздо умереннее. В новом проекте он сделал упор не на перестройку системы представительства, а на уточнение полномочий верховной власти. В законодательство предстояло внести положение о том, что законодательная власть может осуществляться двумя путями: обычным и чрезвычайным. Первый предполагал участие в законотворческой работе Государственной думы и Государственного совета, второй — принятие законов высочайшим повелением⁴².

Тихомировский вариант пересмотра Основных законов получил самую широкую известность. Его теоретическую основательность признавали даже те, кто по политическим соображениям считал небезопасным ставить вопрос о пересмотре Основных законов. К их числу принадлежал и П.А. Столыпин. Он отметил 9 июля 1911 г. «прекрасные теоретические рассуждения» Тихомирова, однако тут же указал, что они «на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»⁴³.

Консерваторы, о которых до сих пор шла речь, призывали либо к ликвидации, либо к радикальной реформе реально существовавшего представительства. Однако некоторых из них действовавшая система государственных институтов, в общем-то, устраивала. Главной ее особенностью они считали сочетание самодержавия с представительными учреждениями, причем последние рассматривались в качестве необходимого элемента государственного устройства. Наиболее четко эту идею выразил Л.В. Половцов: «...*строй* (курсив мой. — М.Л.) наш должен именоваться самодержавно-представительным»⁴⁴.

«Представительный образ правления должен быть незабываемым, — указывалось в официальном издании «Националисты в III Государственной думе». — Только законодательная власть представительных учреждений может оградить Россию от осужденных историей приемов бюрократического управления»⁴⁵.

Представительные учреждения воспринимались не только как важнейшие инструменты связи монарха с подданными, способные прорвать бюрократическое «средостение», но и как каналы выражения и согласования различных интересов. Представительные институты могли сыграть и роль своеобразного «предохранительного клапана». А.И. Савенко утверждал, что именно народное представительство позволило ввести классовую борьбу в мирные легальные рамки⁴⁶. Даже оппозиционные политические силы могли сыграть позитивную роль. России нужна «настоящая оппозиция, патриотическая и закономерная, вроде той, которая имеется в британском парламенте», — полагал М.О. Меньшиков⁴⁷.

Сторонники такой модернизации российской политики основными своими союзниками считали октябристов⁴⁸. Сильный центр провозглашался стержнем правильно организованной партийно-политической системы: «Жизнь всегда держится равновесием, крайности же всегда маниакальны», — заметил накануне выборов в IV Думу М.О. Меньшиков⁴⁹. Его мечтой была «перестройка центральных партий и слияние их в одну могущественную — национально-русскую с современным культурным мирозерцанием»⁵⁰.

Благодаря этому правые вытеснялись бы на политическую периферию. «Очень вредными людьми» именовал правых А.И. Савенко подчеркивая необходимость «отмежевать» их от националистов⁵¹. Важнейшим мотивом разногласий между теми и другими оказывалось отношение к представительной системе. По словам Меньшикова, если правые и соглашались с ней, то скорее «за страх», а националисты — «за совесть»⁵².

Впрочем, даже разногласия по столь принципиальному вопросу не приводили к полному их разрыву. Правые признавали свое родство с более умеренными консерваторами, да и умеренные не были склонны от него отречься. «...Националисты — это только разновидность правых, только оттенок, националисты — те же правые, но только умеренные. И пока идет борьба у избирательных урн, все они правые. А в Таврическом дворце эти две родственные и близкие партии дифференцируются и рассядутся на скамьи правого крыла и центра», — объяснял осенью 1912 г. Савенко⁵³.

Правых и националистов роднили общие ценности и общие противники. К числу последних, прежде всего, относили кадетов, которых и те, и другие считали главными врагами. «...Самыми горячими противниками русского национализма... выступали кадеты, бросаю все силы на борьбу с влиянием националистов в Государственной думе», — утверждалось в сборнике «Националисты в III Государственной думе»⁵⁴.

Так же как и в правых, в националистических кругах оказалась весьма популярной идея изменения избирательного закона и думского регламента. М.О. Меньшиков постоянно подчеркивал, что нынешний вариант законодательства о представительных органах нуждается в корректировке. Он советовал очистить Думу «от враждебных русским инородческих элементов, неделовых и преступных (каковы партии мятежа)...»⁵⁵, сократить продолжительность думских сессий, уменьшить число депутатов, снизить им плату и т.п.⁵⁶ Похожие соображения высказывал в письме к Столыпину И.П. Балашев, влиятельный придворный, единомышленник и родственник лидера националистов П.Н. Балашева⁵⁷.

Таким образом, идеи пересмотра Основных законов 1906 г. получили широкое распространение в среде российских консерваторов. Модернизации собственных политических ценностей они предпочли сохранение традиционных идейно-политических установок и такое истолкование политических реформ, которое бы им не противоречило. Основой государственности для них осталась самодержавная власть, которая априорно ставилась выше любого другого государственного института. Представительные учреждения в лучшем случае рассматривались в качестве полезного дополнения к системе власти, а не ее неотъемлемой части, без которой та не могла бы существовать. Накануне Первой мировой войны идеи народного суверенитета и представительного правления все еще оставались чуждыми российскому консерватизму, жившему дореформенными политическими реалиями.

¹ При всех расхождениях между ними из этой посылки исходили и правые, и националисты. См.: *Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М.,*

2001. С. 302; *Козюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 149.

² Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. СПб., 1909. Ч. 2. Стб. 2355.

³ Там же. Сессия III. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 2496.

⁴ Государственный скандал // Письма к ближним. 1909. № 3. С. 214.

⁵ *Грингмут В.А.* История народовластия. М., 1908. С. 10–11.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Там же. С. 15–16.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ *Грингмут В.А.* Что про нас говорят // *Грингмут В.А.* Собрание статей. М., 1910. Вып. 4. С. 391.

¹⁰ См.: *Грингмут В.А.* История народовластия. С. 67–73.

¹¹ Дневники // Гражданин. 1911. № 15. С. 15.

¹² Там же. 1910. № 6. С. 14.

¹³ Там же. 1910. № 27. С. 13.

¹⁴ Там же. 1913. № 39. С. 12.

¹⁵ Дневники // Гражданин. 1909. № 2. С. 2.

¹⁶ Там же. 1911. № 30. С. 13.

¹⁷ К.Н. Пасхалов — А.А. Ширинскому-Шихматову, 10 февраля 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 919. Л. 310.

¹⁸ См.: Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910.

¹⁹ *Полтавец Н. [Еремченко Н.И.]* Дума и народ. СПб., 1912. С. 17.

²⁰ *Щербатов А.Г.* Обновленная Россия. М., 1908. С. 35.

²¹ А.А. Киреев — Ф.Д. Самарину, 8 ноября 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 265. К. 156. Д. 10. Л. 113. Киреев писал Л.А. Тихомирову 20 июля 1907 г.: «Умный Грингмут пишет вздор! Ну, можно ли теперь вернуть бюрократический строй; помилуйте!» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 155 об.).

²² А.А. Киреев — Николаю II, 3 июня 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 21/2. Л. 9 об.

²³ См., напр.: А.А. Киреев — Л.А. Тихомирову, 21 июля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 101. Л. 155 об.; Дневник А.А. Киреева, запись 26 октября 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 126. К. 14. Л. 246 об.

²⁴ *Д.Х. [Хомяков Д.А.]* Клир и Государственная дума. Тула, 1908. С. 22.

²⁵ Д.А. Хомяков — С.Д. Шереметеву, 30 октября 1907 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5082. Л. 6 об.

²⁶ *Шарапов С.Ф.* Самодержавие или конституция? (Первые шаги 3-й «Думы солидной бестолочи»). М., 1908. С. 22.

²⁷ Мой дневник // Свидетель. 1909. № 21. С. 63–65. Наиболее подробно Шарапов изложил свой план в брошюре «Самодержавие и самоуправление», изданной в 1899 г. в Берлине.

²⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. 2. Стб. 461–462.

²⁹ *Облеухов Н.Д.* Правительство, Дума и монархизм // Прямой путь. 1910. 31 декабря. С. 423; См. также: Прямой путь. 1912. Май. С. 777.

³⁰ См., напр.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 3128.

³¹ *Облеухов Н.Д.* Рабочий вопрос // Прямой путь. 1909. 8 ноября. С. 18.

³² *Л.Ч.* В Таврическом дворце // Прямой путь. 1912. Вып. 3. С. 270–271. Н.Е. Марков указывал, что только националисты и правые правильно поняли Манифест 17 октября, и именовал на этом основании обе группы «истинными октябристами» (Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 3. Стб. 1798).

³³ *Вязигин А.С.* «Гололобовский инцидент» (Страничка из истории политических партий в России). Харьков, 1909. С. 93.

³⁴ См., напр.: Прямой путь. 1909. 9 мая. С. 1–2; *Юрский Г.* [Замысловский Г.Г.] Правые в Третьей Государственной думе. Харьков, 1912. С. 14.

³⁵ Дым Отечества. 1913. № 10. С. 6–7.

³⁶ В дальнейшем эти планы были развиты министрами, симпатизировавшими правым, и был даже подготовлен проект императорского указа о роспуске Думы. См.: Археологический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 309–312.

³⁷ *Тихомиров Л.А.* Самодержавие и народное представительство. М., 1907. С. 6.

³⁸ *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского императора: очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 446.

³⁹ *Тихомиров Л.А.* Самодержавие и народное представительство. С. 11–12.

⁴⁰ Там же. С. 14–16.

⁴¹ Там же. С. 20.

⁴² *Тихомиров Л.А.* К реформе обновленной России. М., 1912. С. 258.

⁴³ Новое время. 1911. 18 сентября; Московские ведомости. 1911. 20 сентября.

⁴⁴ Государственная дума: Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 3. Стб. 2496.

⁴⁵ Националисты в III Государственной думе. СПб., 1912. С. 154–155.

⁴⁶ Государственная дума Стенографические отчеты. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 3. Стб. 1452.

⁴⁷ Муштровка левых // Письма к ближним. 1908. № 2. С. 112.

⁴⁸ При этом левые октябристы как союзники не воспринимались из-за близости к кадетам (см., напр.: Наши младотурки // Письма к ближним. 1909. № 4. С. 265); обсуждается и возможность такой политической перегруппировки, при которой часть октябристов уйдет к кадетам (см., напр.: Честь и место // Там же. 1912. № 6. С. 423).

⁴⁹ Кого выбирать в парламент? // Там же. 1912. № 8. С. 567.

⁵⁰ Честь и место // Там же. 1912. № 6. С. 423.

⁵¹ А.И. Савенко — Н.К. Савенко, 26 марта 1913 г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп.

265. Д. 922. Л. 621; А.И. Савенко — Е.К. Решко, 4 декабря 1913 г. // Там же. Д. 928. Л. 1222.

⁵² Совет монархистам // Письма к ближним. 1909. № 9. С. 643–647.

⁵³ Киевлянин. 1912. 4 октября.

⁵⁴ Националисты в III Государственной думе. С. 6.

⁵⁵ Ответ на выстрел // Письма к ближним. 1911. № 10. С. 774.

⁵⁶ См., напр.: Дума о Думе // Там же. 1912. № 6. С. 407–408. См. также: Пересмотр машины // Там же. 1908. № 7. С. 413–416.

⁵⁷ См.: Письмо Балашева к Столыпину // Красный архив. 1925. Т. 2(9). С. 291–29